


ЦЕНТР ПОЛИГРАФ

ЛЮБОВНЫЙ РОМАН

Элизабет Биварли
БОСС В ПОДАРОЧНОЙ
УПАКОВКЕ



169

 HARLEQUIN®

Содлазнь

Соблазн – Harlequin

Элизабет Биварли

Босс в подарочной упаковке

«Центрполиграф»

2015

УДК 821.111(73)-31
ББК 84(7Coe)

Биварли Э.

Босс в подарочной упаковке / Э. Биварли — «Центрполиграф»,
2015 — (Соблазн – Harlequin)

ISBN 978-5-227-06744-9

Мать-одиночка Клара Истон внезапно узнает, что ее бывший любовник – богатый наследник. После смерти он завещает своему сыну огромное состояние. Клара едет в Нью-Йорк с малышом, чтобы познакомиться с его новой семьей, и неожиданно встречает брата-близнеца покойного мужа...

УДК 821.111(73)-31
ББК 84(7Coe)

ISBN 978-5-227-06744-9

© Биварли Э., 2015
© Центрполиграф, 2015

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	12
Глава 3	16
Глава 4	20
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Элизабет Биварли

Босс в подарочной упаковке

Пролог

Клара Истон украшала пирожное в виде пуансетии ягодкой из глазури, когда звякнул колокольчик над входной дверью пекарни «Сдоба Тайби-Айленда». Она понадеялась, что на сегодня это будет последний посетитель. Она радовалась каждому клиенту. Однако недавно отмечался День благодарения, а до Рождества оставался всего месяц, поэтому в пекарне было полно работы. Не говоря уже о том, что ей следует забрать Хэнка из детского сада. Клара посмотрела на часы. Ой! У нее осталось тридцать минут. Как быстро пролетел день!

Если повезет, посетитель купит уже имеющуюся в продаже выпечку. Продавщица по имени Тилли вошла на кухню и объявила, что пришел мужчина в костюме и с портфелем и требует мисс Истон.

Странно. Все, кто живет в Тайби-Айленд, называют ее по имени. Клара до того удивилась, что вышла в магазин, не снимая фартука. Ее черные непослушные кудри были покрыты белым платком, повязанным в пиратском стиле.

Мужчина оказался высоким и мускулистым и явно приехал издалека. На нем был слишком стильный деловой костюм, его волосы были идеально пострижены, и он выглядел совершенно неестественно на фоне белых кованых приспособлений для выпечки и коробок из-под кексов.

– Привет! – произнесла Клара. – Чем я могу вам помочь?

– Мисс Истон?

– Клара, – машинально поправила она его. Обращение «мисс Истон» наталкивало ее на мысль о старой деве из Викторианской эпохи, обязанной быть дома в девять часов вечера, чтобы сохранить свою репутацию и целомудрие.

– Мисс Истон, – повторил мужчина, – меня зовут Август Фивер. Я работаю в адвокатской конторе «Таррант, Фивер и Твигг».

Он протянул ей визитку со своим именем и должностью – старший вице-президент и специалист по завещаниям. Адвокатская контора находилась в Нью-Йорке. Клара удивилась. У нее не было родственников. Она жила с сыном. А все ее друзья живы и здоровы.

– Специалист по завещаниям? – спросила она. Он кивнул:

– Мою фирму наняли для поиска наследников давно потерянных родственников определенных сословий.

Клара ничего не понимала. Ее родители-уголовники не могли ничего ей завещать. Заметив ее замешательство, Август Фивер сказал:

– Это связано с вашим сыном, Генри. Я приехал от имени его бабушки по отцовской линии, Франчески Данбартон. – Его губы изогнулись в едва заметной улыбке, когда он прибавил:

– С Парк-авеню Данбартонов.

Клара была поражена. Четыре года назад она провела почти месяц с отцом Хэнка, работая кассиром в «Сдоба Тайби-Айленд». Брент был очаровательным, смешным и милым парнем, с мечтательными глазами, божественно красивыми губами и телом, с которого в эпоху Возрождения ваяли бы статуи. Он жил в палатке, играл на гитаре и читал Кларе вслух, сидя у костра. Но однажды утром он ушел в неизвестном направлении.

Клара ни в чем его не обвиняла. Она не любила его по-настоящему, и брак с ним не входил в ее планы на будущее. Они намеренно не называли друг другу фамилии, потому что не сомневались, что их отношения временные. Они развлекались несколько недель, но все хорошее рано или поздно заканчивается.

Правда, не все подошло к концу. Обнаружив, что беременна, Клара сочла своей обязанностью поставить Брента в известность о его отцовстве. Однако все ее текстовые и голосовые сообщения на его телефон остались без ответа. Потом его телефон вообще перестал работать. Ей было нелегко воспитывать ребенка в одиночку, но Клара справилась.

– Я не знала, что Brent богат, – сказала она. – Он не был... Мы... В то лето... Удивительно, что он сообщил о Хэнке своей матери. Мне жаль, что миссис Данбартон скончалась и не виделась с внуком.

– Миссис Данбартон жива и здорова, – произнес Фивер. – Скончался Brent.

Клара снова оцепенела. Она попыталась понять, что чувствует, услышав о смерти Брента. Она не чувствовала ничего.

– Ваш сын единственный наследник Брента Данбартона, поэтому то, что когда-то принадлежало Бренту, теперь принадлежит Генри. Он унаследовал сто сорок два миллиона долларов.

У Клары похолодело в груди. Ей показалось, что она ослышалась.

– Усадьба мистера Данбартона, которую унаследовал ваш сын, стоит более ста сорока двух миллионов долларов. Бабушка вашего сына с нетерпением ждет встречи с вами обоими. Вас также ждет брат Брента Грант. Меня наняли, чтобы я привез вас и Генри в Нью-Йорк как можно скорее. Вы можете поехать завтра?

Глава 1

Клара знала о Нью-Йорке только из телевизионных программ и кино, но не предполагала, что увидит такие высокие небоскребы и улицы, заполненные людьми и такси. На то, чтобы выехать из Тайби-Айленда, ей потребовалось четыре дня. Сначала она собирала вещи Хэнка, потом готовила выпечку на заказ для празднования дня рождения, вечеринки по случаю рождения малыша, вечеринки картежников и на свадьбу. Затем ей пришлось договариваться с воспитателем детского сада, куда ходил Хэнк, и переносить рабочие смены в пекарне «Сдоба Тайби-Айленда».

Выглянув в окно, она не поверила тому, что видит. Город был просто... крутым. Она ненавидела это пошлое определение, но сейчас ничего другое не пришло ей на ум.

– Мама, круто!

Клара улыбнулась трехлетнему сыну, который довольно часто выражал восхищение словом «круто».

Сидящий в автокресле между Кларой и Августом, который попросил называть его Гусом, мальчик подался вперед, чтобы лучше разглядеть городской пейзаж. От матери Хэнк унаследовал черные кудри и зеленые глаза, а в остальном был копией Брента. Как и его отец, он был дружелюбным, веселым и бесконечно любопытным.

Клара радовалась, что Хэнк не пошел в нее характером. Она была серьезной девочкой. В детстве она редко развлекалась и рано научилась не задавать лишних вопросов, чтобы не раздражать взрослых. Она росла в штате Джорджия и то и дело переезжала из одной приемной семьи в другую. Именно поэтому она решила, что жизнь ее сына будет спокойной и размеренной. Оставалось надеяться, что наследство Брента не усложнит жизнь мальчика.

Автомобиль остановился у высотного здания с каменной отделкой, украшенного золотыми праздничными венками. У входа стоял швейцар в красной ливрее. Гус рассказал Кларе, что в этом здании жили владельцы промышленной империи, которая принадлежала семье Данбартон два столетия. Данбартоны происходили из Англии и приходились дальними родственниками какому-то герцогу. Это означало, что Хэнк вполне мог стать королем, если бы несколько веков назад эпидемия чумы выкосила тысячи людей, отделяющих его от трона.

Вестибюль здания был поистине роскошным: полированный мрамор, отделка блестящим красным деревом, рождественские венки из еловых веток с красными бархатными лентами. Когда они поднялись на лифте на верхний этаж, Клара обняла Хэнка за плечи, и Гус почувствовал ее беспокойство. Он ободряюще улыбнулся и позвонил в дверь. Клара посмотрела на Хэнка, чтобы убедиться, что он хорошо выглядит, и наклонилась зашнуровать его кроссовку.

– Мистер Фивер? – послышался резкий и официальный мужской голос.

– Мистер Данбартон? – ответил Гус.

Завязав шнурок, Клара выпрямилась, а потом шагнула назад. У нее перехватило дыхание. Ей казалось, что отец Хэнка восстал из гроба и выглядит мрачным, как сама смерть.

Но, приглядевшись, Клара поняла, что у брата Брента совсем другие голубые глаза и коротко остриженные темные волосы. В глазах Брента плясали веселые искорки, а его довольно длинные волосы трепал океанский бриз. Резкие скулы, решительный подбородок и прямой нос брата были такими же, как у Брента, но их давно не касались солнечные лучи и соленая морская вода. Губы Брента постоянно изгибались в нахальной улыбке, а его брат явно не привык улыбаться, поэтому бескомпромиссно их поджимал. Если Брент не надевал ничего, кроме футболки и мешковатых шортов, то его брат носил темно-серые брюки, белую накрахмаленную рубашку-оксфорд, темно-бордовый галстук и черный жилет.

Итак, перед Кларой стоял брат-близнец Брента. Зеркальная копия мужчины, который однажды летом сделал Клару счастливой и подарил ей сына.

Она оказалась не такой, какой он себе ее представлял.

Но Грант Данбартон не был уверен, какой именно ожидал увидеть мать сына Брента. Его брат был очень неразборчивым в отношениях с женщинами. Хотя Брент был неразборчив во всем. Автомобили, одежда, друзья, семья, компании, обещания, обязанности, ответственность. Все вышеуказанное занимало внимание Брента максимум на несколько дней.

Однако следовало признать, что все женщины Брента были потрясающе красивыми. Клара Истон не стала исключением. Густые вьющиеся черные волосы; полные и красные, как спелый перчик, губы; светло-зеленые бездонные глаза; высокий рост.

Клара выглядела бы властной, если бы не обнимала сына рукой. Сейчас она кажется немного испуганной. Грант решил, что в этом нет ничего удивительного. Не каждый день женщина из неблагополучной семьи узнает, что родила от американского богача.

Дело в том, что Данбартоны из Парк-авеню – прежде Данбартоны из Риттенхаус-сквер, а ранее Данбартоны из Бекон-Хилл – семья, чье имя после революции упоминалось в одном ряду с Хэнкоками, Асторами, Вандербильдами и Рокфеллерами. Грант восхищался усилиями Клары выглядеть неуязвимой.

Ее сын был точной копией своего отца, за исключением цвета волос и глаз. Грант надеялся, что его собственная мать не упадет в обморок, увидев Генри Истона. Она очень страдала, узнав о том, что Брент утонул весной у берегов Шри-Ланки. Ей удалось успокоиться только в прошлом месяце. Потом ей снова стало плохо, когда после оглашения завещания Брента выяснилось, что у него есть сын.

Однако на этот раз радость была сильнее горя. Брент успел оставить потомство. Грант сначала решил, что следует сделать тест на отцовство, чтобы доказать, что Генри Истон действительно отпрыск Данбартонов, прежде чем рискованно обнадеживать пожилую мать. Но, увидев, как мальчик похож на Брента и на него, Грант подумал, что они обойдутся без теста.

– Мисс Истон? – сказал он как можно сердечнее, хотя, честно говоря, сердечностью никогда не отличался. Брент унаследовал от Данбартонов всю приветливость и дружелюбие, а Гранту досталась в наследство деловитость и расчетливость. – Приятно наконец познакомиться с вами. – Он посмотрел на Генри. – И с тобой.

– И мы рады знакомству с вами, мистер Данбартон, – ответила Клара низким, хрипловатым и завораживающим голосом.

Она разговаривала как южанка – растягивая слова, и Гранту почему-то очень понравился ее говор.

Она слегка подтолкнула сына вперед:

– Правда, Хэнк? Поздоровайся с мистером Данбартоном.

– Здравствуй, мистер Данбартон, – послушно произнес мальчик.

Грант приложил все усилия, чтобы улыбнуться:

– Ты не должен называть меня мистером Данбартоном. Называй меня...

Он хотел попросить, чтобы Хэнк называл его «дядей Грантом», но промолчал. Дядя из него никудышный. Обычно дядюшки приветливые и спокойные ребята, которые сыплют непристойными шутками и любят розыгрыши. Дядюшки носят просторные свитера и делают подарки на День благодарения. Дядюшки обучают своих племянников тому, чему их не научат отцы. Например, где прятать журнал «Плейбой». Или где достать поддельные документы.

– Называй меня Грантом. – Посмотрев на Клару Истон, он прибавил: – И вы тоже.

– Спасибо, Грант. – Она взглянула на сына. Но Генри молчал и просто смотрел на Гранта поразительно красивыми зелеными глазами, унаследованными от матери.

– Входите! – произнес Грант.

Август Фивер вошел в дом, но Клара медлила, по-прежнему держа сына за плечо.

– Пожалуйста, – снова попытался Грант и указал на дверь. – Мы вам рады.

Клара по-прежнему медлила, но бесстрашный Генри осторожно шагнул вперед, не сводя взгляда с Гранта. Потом он сделал второй шаг, затем третий и высвободился из рук матери. Казалось, она хочет вернуть мальчика обратно, но при этом не сдвинулась с места.

– Моя мать с нетерпением ждет встречи с вами, – сказал Грант, надеясь, что упоминание о другой женщине поможет Кларе успокоиться. Но она лишь сильнее запаниковала. – Что-то не так, мисс Истон?

Генри вошел в дверь вслед за Фивером, и они выжидающе уставились на Клару. Она посмотрела сначала на сына, потом на Гранта. На мгновение Грант подумал, что она схватит своего сына и убежит. Наконец она шагнула вперед. Грант снова восхитился ее стараниями казаться увереннее, чем на самом деле.

Хм. Странно, но Гранту вдруг захотелось защитить Клару Истон. Из того, что он узнал о ней, она могла сама о себе позаботиться. Тем более Грант едва ее знает. И он не стремится узнать ее лучше.

Конечно, их пути неизбежно пересекутся в будущем, потому что мать Гранта пожелает видеть Генри как можно чаще и Клара будет приезжать вместе с ним. Но у Гранта нет ни времени, ни желания играть роль дядюшки, хотя бы для виду. Пусть он и Brent идентичны внешне, но характеры у них совершенно разные. Brent всегда был очаровательным и веселым, а Грант рассудительным и сдержанным. У Brentа была куча знакомых и друзей, у Гранта друзей почти не было. Brent любил всех, кого когда-либо встречал. Грант не любил никого.

Клара Истон прошла мимо Гранта, и он уловил слабый аромат корицы и имбиря. От нее пахло рождественским утром из его детства, когда был жив отец и Данбартоны были счастливы.

Вот это да! Он давным-давно не вспоминал о том, как праздновал Рождество в детстве. Ему не хотелось думать о том, что никогда не повторится. В детстве Грант был доволен всем, и впереди его ждало многообещающее будущее.

Клара шла следом за Грантом Данбартоном в дом, убеждая себя, что ей нечего бояться. Она просто вошла в огромные и роскошные апартаменты на одной из самых дорогих улиц в мире. Квартира была заполнена предметами искусства и антиквариатом стоимостью, сопоставимой с объемом национального валового продукта некоторых суверенных государств. Она сравнила апартаменты со своей скромной двухкомнатной квартирой над пекарней.

– И давно вы тут живете? – спросила она Гранта главным образом потому, что никто не сказал ни слова с тех пор, как она, Хэнк и Гус вошли в дом. Клара решила, что они вообще больше не заговорят.

Грант замедлил шаг, чтобы Клара подошла к нему. Она снова взглянула на его лицо и поразилась, до чего Грант похож на Brentа. От волнения у нее засосало под ложечкой.

– Мы с Brentом здесь выросли, – сказал он. – Тут жили три поколения нашей семьи.

– Вот это да! – произнесла Клара. – Я выросла в Маконе. После окончания университета я жила в Тайби-Айленде.

– Да, я знаю, – сказал ей Грант. – Вы очень хорошо учились в средней школе Карсона и получили диплом в области делового администрирования в университете Джорджии. Неплохо. Особенно учитывая то, что при этом вы работали на трех работах.

Клара понимала, что ей не следует удивляться – Данбартонам доступна любая информация. – Значит, вы собирали обо мне сведения? – спросила она.

– Да, – откровенно признался он. – И я уверен, вы меня поймете.

Грант провел их в небольшой кабинет, оформленный в светло-желтых и бледно-бирюзовых тонах. Она обратила внимание на мягкие муаровые стулья, расписной стол и великолепные пейзажи на стенах. Комната напоминала версальский дворец эпохи Марии-Антуанетты.

В кабинет вошла женщина, и Клара догадалась, что перед ней мать Гранта, Франческа. Ей было около шестидесяти лет. В ее коротких темных волосах виднелась седина, глаза были

такими же ярко-голубыми, как у сыновей. Она оказалась почти одного роста с Кларой, но более худой. На ней были широкие брюки и светло-серая туника. В ее ушах сверкали алмазные серьги-гвоздики, а на обоих запястьях красовались серебряные браслеты. Она остановилась, увидев гостей, одарив Клару мимолетным взглядом и улыбкой, а потом посмотрела на Хэнка, и ее глаза наполнились слезами.

Лучезарно улыбаясь, Франческа поспешила вперед, раскинув руки, чтобы обнять внука. Но она остановилась на полпути, когда мальчик шагнул назад и так резко прижался к матери, что едва не сбил ее с ног. Грант помог ей сохранить равновесие, схватив пальцами за предплечья. На мгновение Кларе показалось, будто ее поддерживает Брент, и ей захотелось поцеловать его в губы в знак благодарности.

– Спасибо, – пробормотала она Гранту, не оборачиваясь и надеясь, что он не услышит ее прерывистое дыхание.

Грант не отпустил ее сразу, поэтому Клара обернулась и уставилась на него в упор. Внезапно Грант улыбнулся. Черт побери. У него точно такая же улыбка, как у Брента.

– Я совсем забыл о хороших манерах, – произнес Грант. – Мне следовало помочь вам снять пальто, как только вы вошли в дом.

Клара стала машинально расстегивать пальто, но потом вдруг остановилась. Ей показалось, что она расстегивает одежду, чтобы заняться любовью с Брентом.

Да уж. Ей действительно предстоит тяжелая неделя. Может быть, ей и Хэнку лучше отправиться домой завтра. Или до ужина. Или даже до обеда.

Она снова принялась расстегивать пальто, боясь, что Грант сочтет ее странной. Судя по выражению его лица, он в самом деле подумал, что она ведет себя странно. Клара осталась в коротком черном платье и красно-черных колготках в горошек, которые сейчас казались неуместными в элегантной обстановке дома Данбартонов.

Она и Хэнк просто обязаны уехать до обеда.

Но план Клары провалился, когда Франческа, стоя неподалеку от Хэнка и выглядя самой счастливой женщиной в мире, сказала:

– Как приятно, что вы оба приехали. Я так рада, что мы разыскали вас. Большое спасибо, что согласились пожить у нас. Я прикажу Тиммерману принести ваши вещи. – Явно не желая пугать внука, она сосредоточилась на Кларе. – Вы, должно быть, Клара? – Она протянула ей правую руку.

Клара машинально пожала ее руку:

– Я очень сожалею о Бренте, миссис Данбартон. Он был замечательным человеком.

Улыбка Франчески слегка померкла.

– Да, верно. И пожалуйста, называйте меня по имени. – Она сцепила руки, глядя на Хэнка. – А ты, должно быть, Генри. Здравствуй!

Сначала Хэнк молчал, прижимаясь к Кларе и настороженно глядя на бабушку. Потом он вежливо произнес:

– Здравствуйте! Меня зовут Генри. Но все зовут меня Хэнк.

Франческа просияла:

– Ну, тогда и я буду называть тебя Хэнком. А как ты будешь меня называть?

На этот раз Хэнк посмотрел на Клару – он понятия не имел, как ответить. Перед поездкой в Нью-Йорк они говорили о смерти его отца и бабушке, но Клара не знала, что именно из сказанного понял или не понял трехлетний мальчик.

Клара старалась не запинаться, когда произнесла:

– Хэнк, милый, это твоя бабушка. Вы с ней должны договориться, как ты будешь ее называть.

Франческа снова посмотрела на Хэнка, держа руки сцепленными. Клара была благодарна пожилой женщине за понимание, что ребенку возраста Хэнка необходимо больше времени, чтобы привыкнуть к новой обстановке.

– Ты знаешь, как твой отец и дядя Грант называли свою бабушку? – спросила Франческа.

Хэнк покачал головой:

– Нет, мэм. Как?

Франческа улыбнулась:

– Они называли ее бабулей. Ты хочешь называть меня бабулей?

Клара почувствовала, что Хэнк расслабился.

– Я думаю, что хочу звать вас бабулей, если вы не против.

На глаза Франчески навернулись слезы, и она улыбнулась:

– По-моему, это будет круто, – сказала она.

На этот раз улыбнулась Клара. Франческа быстро поняла, как разговаривать с современным ребенком.

– А теперь, – произнесла Франческа, – я предлагаю тебе взглянуть на бывшую комнату твоего папы. Он жил в ней, когда был не намного старше тебя.

Хэнк посмотрел на Клару, прося ее одобрения.

– Иди, милый, – сказала она. – Я бы тоже хотела посмотреть комнату. – Она взглянула на Франческу. – Если вы не возражаете.

– Конечно нет. Твой дядя Грант тоже пойдет вместе с нами. И вы можете пойти с нами, мистер Фивер.

Клара повернулась к двум мужчинам, ожидая, что они откажутся, заявив, будто у них полно дел. Она заметила, что Грант смотрит не на мать, а на нее, причем пристально. У нее потеплело на душе. Грант смотрел так, как когда-то смотрел Брент...

Она одернула себя. Перед ней не Брент, а его брат. Пусть они похожи как две капли воды, но Грант Данбартон не сексуальный парень, который научил ее смеяться, развлекаться и резвиться тем летом, когда она забеременела. Каким бы любезным ни старался казаться Грант, он никогда не станет Брентом. В этом Клара не сомневалась. И тут нет ничего плохого. Просто Грант другой.

– Спасибо, миссис Данбартон, – сказал Гус, вырывая Клару из размышлений, – но я должен вернуться в офис. Если только я больше не нужен Кларе.

Она покачала головой. Сегодня утром мистер Фивер исполнял роль буфера между ней и Данбартонами. Но оказалось, что Франческа чрезвычайно гостеприимна, а Грант искренне старается быть гостеприимным.

– Идите, Гус. У меня все в порядке, – произнесла Клара. – Спасибо вам за все, что вы сделали.

Мистер Фивер попрощался и сказал Данбартонам, что его не нужно провожать. Клара думала, что Грант тоже уйдет, но он продолжал так пристально на нее смотреть, словно был не намерен никуда уходить.

Она снова напомнила себе, что перед ней не Брент.

Остается убедить себя, что Грант не такой соблазнительный мужчина, как его брат.

Глава 2

Когда Франческа повела всех в комнату Брента, Грант решил пойти рядом с Кларой. Он находился к ней достаточно близко, поэтому она чувствовала тепло его тела и слышала его едва уловимый пряный запах. Запах тела Гранта был совсем не таким, как у его брата, но очень понравился Кларе. К счастью, прогулка по дому была недолгой. Франческа почти сразу повернула за угол и подошла к винтовой лестнице, которая привела Хэнка в восторг, потому что он никогда не видел ничего подобного.

– Мы пойдем вверх или вниз? – спросил он Франческу.

– Вниз, – сказала она. – Но спустаться по лестнице довольно тяжело. Ты не против того, чтобы я держала тебя за руку, чтобы не упасть?

Хэнк взял бабушку за руку и пообещал, что поможет ей.

– О, благодарю тебя, Хэнк, – тут же произнесла она. – Я уверена, ты станешь для меня настоящим помощником в этом доме.

Слова и тон Франчески заставили Клару призадуматься. Такое ощущение, что Франческа решила, будто Хэнк проживет в ее доме немало времени. Хотя возможно, что Франческа просто пытается расположить к себе мальчика. В любом случае каждая бабушка захочет проводить с внуком больше времени. Но Клара честно заявила Гусу, что она и Хэнк пробудут в Нью-Йорке только неделю.

В комнате Брента целая стена была занята полками, на одной половине которых стояли книги, а на другой – игрушки. С потолка в углу свисала модель Солнечной системы из папье-маше. Планеты располагались довольно низко, чтобы ребенок мог до них дотянуться. В дальнем конце комнаты стояла двухъярусная кровать с лестницей и выдвижной доской для спуска. На стенах висели географические карты и фотографии экзотических зверей. В комнате было все, чего может пожелать маленький мальчик: кубики, музыкальные инструменты, игровые системы, чучела животных...

Хэнк огляделся, а потом буквально нырнул с головой в контейнер с конструктором «Лего».

Клара подумала о комнате мальчика в своем доме. Она купила ему кровать на распродаже, а потом сама ее перекрасила. У Хэнка было довольно мало игрушек. Вряд ли он обрадуется, когда Клара скажет ему, что пора возвращаться домой.

Франческа опустилась на колени рядом с Хэнком и принялась вместе с ним собирать конструктор. Вероятно, она играла с Брентом, когда тот был в возрасте Хэнка. Сердце Клары болезненно сжалось. Она не могла представить, каково терять собственного ребенка. Встреча с внуком стала для Франчески спасением.

Клара почувствовала, что Грант подошел и встал рядом с ней.

– Я не могу поверить, что вы по-прежнему храните вещи Брента, – сказала она.

Грант пожал плечами:

– Наша мать всегда верила, что Брент в конечном счете устанет от странствий и вернется домой. Она не хотела выбрасывать то, что он пожелает сохранить. И Брент никогда ничего не выбрасывал. Ну, не вещи, во всяком случае, – поспешил он уточнить.

Когда их взгляды встретились, Клара поняла, что Грант не стремился обидеть ее, заявив, будто Брент выбросил ее из своей жизни.

– Все в порядке, – произнесла она. – Между мной и Брентом не было ничего такого, что могло бы... – Она умолкла, собираясь с мыслями, а потом тихо прибавила, чтобы Франческа и Хэнк ее не услышали: – Ни он, ни я, не стремились к постоянным отношениям. Нас влекло друг к другу, мы часами разговаривали. Нам просто было комфортно вместе. Словно старинным друзьям. Или как будто мы знали друг друга в прошлой жизни. Вы меня понимаете?

Грант молчаливо посмотрел на нее, а затем покачал головой.

– Нет. Ничего подобного я никогда не испытывал, – сказал он. Клара посерьезнела:

– Ну, вот такие отношения были у нас с Брентом. Он был замечательным. Мы несколько недель много веселились и развлекались. Но ни один из нас не требовал большего. Я могла бы сама уйти от него. Но Брент закончил наши отношения первым.

– Он всегда спешил, – сказал Грант.

Клара улыбнулась:

– Да, он спешил.

– В детстве он был похож на колибри. Как только он просыпался, сразу становился неудержимым. Его переполняла энергия и желание делать все одновременно. Он не знал, с чего начать, поэтому просто стремительно мчался вперед.

Брент не был таким гиперактивным, когда познакомился с Кларой, но он никогда не выглядел удовлетворенным. Он постоянно стремился к чему-то лучшему и новому. Он сказал ей, что ушел из дома в восемнадцать лет и с тех пор путешествовал по побережью Северной Америки. Когда она спросила его, куда он отправится дальше, Брент ответил, что поедет на север, в Ньюфаундленд, затем в Скандинавию и другие европейские страны. После он будет путешествовать по Азии, Африке и Южной Америке.

– Он был неугомонным, когда мы встретились, – сказала она Гранту, – но я полагала, что его неугомонность такая же, как моя.

Грант посмотрел на нее с любопытством, и у нее замерло сердце. Клара задалась вопросом, удастся ли ей когда-нибудь смотреть на Гранта и не сравнивать его с отцом Хэнка.

– Что вы имеете в виду? – спросил он.

– Я думала, что он не может усидеть на месте, потому что вырос в таких же условиях, как и я. Так бывает с теми, кто родился в семье военного или странствующих фермеров.

Грант взглянул на нее с удивлением:

– Он не рассказывал вам о своем прошлом? О своей семье?

– Мы это не обсуждали. Мы установили негласное правило не обсуждать личную жизнь. Я не желала говорить о своем прошлом. Вероятно, у Брента тоже были причины молчать.

– Вы прожили в приемных семьях и детских приютах, – произнес Грант. – У вас была нелегкая жизнь.

Она сказала себе, что ей не следует удивляться его осведомленности, но заметила:

– А вы старательно собирали обо мне информацию. – Грант не ответил, а лишь категорично повел плечами. – Что еще вы обо мне узнали? – спросила она.

Он открыл рот, чтобы ответить, но решил промолчать. Судя по выражению его лица, он знал о Кларе гораздо больше, чем ей хотелось бы.

Клара тихо спросила:

– Вы знаете, где я родилась, не так ли? И при каких обстоятельствах?

Он кивнул:

– Да. Я знаю.

Грант был в курсе, что Клара родилась в тюрьме от девятнадцатилетней девушки, которая ожидала суда за участие в вооруженном ограблении, совершенном вместе с отцом Клары.

– Вы знаете, кто дал мне имя? – еще тише произнесла она.

Он кивнул:

– Один из охранников назвал вас в честь старшей надзирательницы, потому что ваша родная мать отказалась давать вам имя.

Клара не подозревала, что Грант будет копать так глубоко. В принципе ему следовало только узнать, что она хорошо образована, у нее есть работа и нет судимости.

– И я знаю, что после того, как ваших родителей осудили, – тихо продолжал он, – никто из родственников не захотел вас воспитывать.

К счастью, он не уточнил, что родственники Клары были либо алкоголиками и наркоманами, либо сидели в тюрьме, либо числились пропавшими без вести. В его тоне не было ни презрения, ни отвращения. Он говорил о неприятных обстоятельствах ее рождения и происхождения так, словно читал справочник по замене карбюратора.

– В основном вы жили в приемных семьях, а также в приютах. В возрасте восемнадцати лет, когда многие дети-сироты связываются с криминалом, вы устроились на три работы и стали получать высшее образование. В прошлом году вы купили пекарню, в которой работали с тех пор, как ее владелец ушел на пенсию, и вам удалось сделать ее прибыльнее. Прибыль небольшая, но это замечательное достижение, особенно во время экономического кризиса. Вы молодец, Клара Истон.

От его похвалы она вдруг почувствовала себя представителем высшего общества.

– Спасибо, – сказала она.

Он смотрел в ее глаза дольше, чем следовало, и у Клары снова екнуло сердце.

– Я всегда к вашим услугам, – тихо произнес Грант.

Они еще секунду смотрели друг другу в глаза, а потом Клара заставила себя оглядеть комнату. Франческа сидела на полу рядом с Хэнком, придерживая основание конструкции, которую мальчик надстраивал вбок.

– С таким видением он никогда не станет инженером, – заметила Клара. – Эта структура нелогична.

– А кем он, по-вашему, станет? – спросил Грант.

– Я не знаю, – ответила она. – Придет время, и он сам выберет профессию.

Она снова посмотрела на Гранта – он по-прежнему разглядывал ее с большим интересом. Но на этот раз она заметила в его взгляде то, чего не было раньше. Клара интуитивно поняла, что Грант Данбартон отнюдь не счастливый парень. Несмотря на богатство, красоту и привилегии.

Она открыла рот, чтобы что-то сказать, но в этот момент ее позвал Хэнк:

– Мама! Подержи эту часть, а то бабуля не может!

Франческа улыбнулась:

– Здесь не хватит четырех рук. У Хэнка очень богатое воображение. У меня умный внук.

Клара улыбнулась. Хэнк все еще развивал мелкую моторику, но она оценила высказывание Франчески.

Клара посмотрела на Гранта:

– По-моему, вы тоже должны помочь. Насколько я знаю Хэнка, он будет делать гигантскую конструкцию.

Впервые за все время Грант Данбартон выглядел испуганным. Он шагнул назад, словно желая убежать.

– Ах нет, – пробормотал он и сделал еще шаг назад, выходя в коридор. – Я... У меня много работы. Хм, много важной работы.

– О. – Клара удивилась, как быстро Грант потерял самообладание. Еще сильнее ее удивило собственное разочарование от его ухода. – Ладно. Увидимся позже. Я имею в виду, мы с Хэнком увидимся с вами позже.

Кивнув, Грант вышел в коридор, а Клара уселась рядом с сыном. Оглянувшись, она увидела, что Грант стоит в дверях и внимательно смотрит на нее, Хэнка и Франческу.

Внезапно Грант показался Кларе не властным руководителем, которому нужно вернуться к работе, а маленьким мальчиком, не приглашенным на вечеринку.

Грант, почувствовав себя ребенком, испугался. Такого с ним не бывало ни разу после смерти отца. То есть с тех пор, как ему исполнилось десять лет. Но теперь он снова ощутил себя маленьким мальчиком, наблюдая, как Клара и его мать играют с Хэнком на полу.

Он не понимал, отчего так удручен. Ему казалось, что Клара его отвергла. Хотя она пригласила его присоединиться к ним. И как она могла его отвергнуть, если он ни о чем ее не просил?

Похоже, он сходит с ума. Ему следует работать. Работать постоянно. Он стал генеральным директором «Данбартон индастриз» в тот момент, когда высохли чернила на его дипломе. С тех пор он трудился как одержимый. Оставшись сегодня дома с матерью, Кларой и Хэнком, Грант впервые за долгие годы устроил себе незапланированные выходные.

Он посмотрел на часы. Полдень еще не наступил. Он должен отправляться в офис. Он остался дома только потому, что боялся, будто Клара покажет себя менее адекватной особой и спровоцирует проблемы. Но она оказалась отличной матерью и замечательной личностью. Однако не стоит забывать, кем были ее родители.

Грант не был снобом. По крайней мере, он так думал. Но когда он обнаружил, что Клара родилась в тюрьме, а ее родители по-прежнему отбывают срок за свои преступления... Ну, он не желал, чтобы подобные сведения ассоциировались с фамилией Данбартон. Хотя Хэнк не носит фамилию Данбартон. Ну, пока, во всяком случае. Грант был уверен, что его мать потребует, чтобы мальчик носил их фамилию. И Клара наверняка с этим согласится. Любая мать захочет, чтобы ее ребенок принадлежал к одной из самых уважаемых семей в стране.

Познакомившись с Кларой, Грант захотел, чтобы история ее происхождения никак не ассоциировалась и с ее именем. Она оказалась приличным человеком и многого добилась в жизни.

Он задержался в дверях спальни еще на минуту, наблюдая, как Клара смеется над тем, что сказала Франческа, пристально глядя на Хэнка, который внезапно наклонился и поцеловал свою мать в щеку. Грант поразился поступку мальчика, а Клара только громче рассмеялась. Судя по всему, Хэнк часто целовал ее без всякого повода. Потом, когда огромная конструкция обрушилась на пол, Клара притянула мальчика, усадила его себе на колени и звонко поцеловала в шею. Он громко хихикнул и крепко обнял мать. Потом он высвободился из ее объятий и побежал в другой угол комнаты – искать себе новое занятие.

Обмен ласками продолжался максимум десять секунд, но он показался Гранту крайне необычным, потому что он никогда не был так близок со своей матерью, даже пока был жив его отец.

Грант зашагал в офис. Работа. Это все, что ему нужно. Работа важна для него, как дыхание. Хотя, возможно, сегодня ему не следует ехать в «Данбартон индастриз». Наверное, лучше остаться дома. На всякий случай. Кто знает, может быть, Клара поведет себя непредсказуемо и спровоцирует проблемы.

Глава 3

Нечто экстраординарное случилось на второй день пребывания Клары и Хэнка в Нью-Йорке. Данбартоны решили пообедать в главной столовой, которой почти не пользовались уже двадцать лет. То есть после смерти главы семейства. В главной столовой устраивали обеды только по случаю Рождества, Пасхи, Дня благодарения или в те редкие дни, когда Brent приезжал домой.

Грант полагал, что приезд нового члена семьи – особый повод. Однако для него этот день был обычным. Он провел его на работе, пока Франческа показывала Кларе и Хэнку Нью-Йорк.

Главная столовая нравилась Гранту гораздо больше небольшой столовой около кухни. Стены столовой были выкрашены в темно-золотой цвет, который удачно сочетался с длинным столом, стульями и буфетом в стиле эпохи Людовика XIV.

Красивее всего был потолок, оформленный в виде ночного неба, на котором изображалась Солнечная система, Млечный Путь, созвездия и туманности. В детстве Грант любил рассматривать этот потолок, лежа на коврик, и мечтать.

– Тебе нравится? – спросил Грант Хэнка, который сидел напротив него, запрокинув голову и разглядывая звездное небо.

– Круто, – сказал мальчик, не отрывая взгляда от потолка. – Мама, смотри! Там Сатурн. – Одной рукой он указал на потолок, а другой хотел потрепать мать за руку, но задел столовый прибор.

Клара запрокинула голову, чтобы посмотреть. Грант не мог не обратить внимания на ее шею сливочного оттенка. Он старался не замечать довольно глубокий V-образный вырез ее джемпера и область декольте. Бледно-голубой цвет джемпера подчеркивал зеленый оттенок ее глаз, которые казались еще выразительнее. Свет от люстры отбрасывал синие блики на ее черные волосы. Гранту захотелось намотать прядь ее волос на палец и почувствовать их мягкость.

– Да, – ответила она Хэнку. – А что рядом?

– Юпитер, – сказал он.

– Очень хорошо. – Грант не скрывал удивления по поводу познаний мальчика и обрадовался возможности отвлечься от Клары. – Ты настоящий астроном, Хэнк.

– Ну, он только учится. – Клара улыбнулась. – Пока он знает только две планеты.

Мать Гранта, сидя во главе стола, тоже улыбнулась:

– Мой внук самый умный мальчик во Вселенной. Что неудивительно, учитывая, кто его отец. – Она посмотрела на Клару и быстро прибавила:

– И конечно, мать!

Клара улыбнулась и тихо поблагодарила Франческу.

– А еще я знаю Землю. – Казалось, Хэнк обиделся, что мать не учла все его познания.

Клара засмеялась:

– Конечно, милый.

Честно говоря, Грант сомневался, что любой трехлетний ребенок обладает познаниями Хэнка. Хотя он сам в его возрасте с упоением изучал морской мир. Очевидно, Хэнка страстно влечет астрономия.

– У вас есть телескоп? – спросил Грант Клару. Она покачала головой:

– Если он и дальше будет интересоваться астрономией, то придется купить телескоп. А пока достаточно бинокля.

Хэнк кивнул, словно его ничуть не беспокоила отсрочка покупки телескопа. От матери он унаследовал понимание того, что не всегда можно получить желаемое сразу.

Тем не менее Клара может купить сыну телескоп прямо сейчас, учитывая богатое наследство. Но она его не купит. Грант решил, что она не хочет, чтобы Хэнк вырос избалованным, как его отец. Она не желала, чтобы Хэнк решил, будто благодаря богатству он не должен работать.

Хэнк и Франческа разговорились о других планетах на звездном небе, а Грант повернулся к Кларе. И тут он понял, что не знает, как начать разговор.

– Брент тоже интересовался астрономией, когда был в возрасте Хэнка, – произнес Грант. – Именно поэтому наша мать приказала так оформить эту столовую.

– Я знала о его увлечении астрономией, – ответила Клара. – Он несколько раз возил меня в Скидвей-Айленд, чтобы посмотреть на звезды. Я возила туда Хэнка. Именно там он заинтересовался астрономией.

Грант кивнул. Брент устраивал Кларе романтические свидания, чтобы удивить ее своими познаниями в астрономии. И конечно, она будет помнить об этом и расскажет об их поездках сыну.

– Хэнк сейчас примерно в том возрасте, когда я заинтересовалась выпечкой, – сказала она. – Моя приемная мать много пекла и разрешала мне помогать ей на кухне. Я помню, как меня удивляло, что из липкого теста получается пирог. Или печенье. Или банановый хлеб. И еще мне нравилось украшать выпечку розочками, сеточкой или ленточками из глазури. Все это казалось мне произведением искусства, которое можно съесть.

Пока она говорила о выпечке, ее поведение вновь изменилось. Ее взгляд стал мечтательным, щеки порозовели. Клара казалась мягче. Она жестикулировала, чего не позволяла себе прежде, показывая, как вымешивает тесто или украшает изделие. Грант так увлекся ее жестикуляцией и рассказом, что оказался совсем не готов к ее вопросу.

– А чем вы интересовались в три года?

Вопрос повис в воздухе, пока Грант пытался сформулировать ответ. Он вдруг понял, что не знает, как ответить. Во-первых, подобного вопроса ему никто никогда не задавал. Во-вторых, он слишком давно не вспоминал себя ребенком.

Несколько минут назад он думал о том, как его очаровывала морская жизнь. Несмотря на это, он произнес:

– Я не знаю. Наверное, какой-нибудь чепухой. Ничего особенного.

По-видимому, Клару не удовлетворил его ответ, поэтому она произнесла:

– О, не может быть! У всех друзей Хэнка есть какие-нибудь увлечения. Брианна собирает ракушки, Тайлер – камни, а Меган – игрушечных фей.

По какой-то причине Гранту очень захотелось сменить тему. Поэтому он снова заговорил о Кларе.

– Итак, вы владеете пекарней, – сказал он. – Должно быть, приятно, когда детская страсть помогает зарабатывать на жизнь взрослому человеку.

Она посмотрела на него, прищурившись и покусывая нижнюю полную губу. Когда Грант подумал, не перегнуться ли через стол и не поцеловать ли Клару, она заговорила.

– Мне приятно, – ответила она. – Правда, когда увлечение становится работой, может пропасть удовольствие. Я имею в виду, работа по-прежнему мне нравится, но пропало некое волшебство.

Грант не помнил, когда в последний раз разговаривал с женщиной об удовольствии от работы и волшебстве.

– Не поймите меня неправильно, – поспешно уточнила она. – Я люблю свою работу. Просто... – Она тоскливо вздохнула. – Иногда я оглядываю пекарню и кондитерские изделия в магазине, а после работы поднимаюсь вверх в квартиру и задаюсь вопросом... Добилась ли я всего, чего хотела? У меня замечательный ребенок, у нас есть крыша над головой и еда, я занимаюсь любимым делом. Но иногда я думаю, что...

– ...этого недостаточно, – подытожил Грант. Она округлила глаза от удивления и кивнула:

– Да. Значит, вы меня понимаете.

Сначала Грант хотел ей возразить. У него с рождения было все, что он только мог пожелать. Хотя иногда он не мог отделаться о мысли, что чего-то ему недостает.

– Да, я вас понимаю, – сказал он.

– Поэтому вам нужно заняться любимым делом, – произнесла Клара.

Он ответил машинально:

– Я люблю свою работу. Меня воспитали так, чтобы я занимался семейным бизнесом. Данбартоны ведут бизнес уже несколько поколений. Почему я должен не любить свою работу?

Он поздно осознал, что говорит так, будто оправдывается. Клара, очевидно, тоже так подумала, потому что выражение ее лица перестало быть мечтательным.

К счастью, повариха, миссис Бентли, принесла первое блюдо, и Клара поблагодарила ее за беспокойство. Грант уже собрался заявить, что миссис Бентли просто выполняет свою работу. Но потом он вспомнил, что Клара готовит еду, чтобы заработать себе на жизнь, поэтому ее благодарность – выражение профессиональной вежливости. У него вдруг окончательно испортилось настроение. К счастью, ему удалось уклониться от обсуждения своего детства.

Клара ужасно обрадовалась, когда повариха Данбартонов поставила перед ней тарелку с салатом. Хотя она радовалась бы даже в том случае, если бы миссис Бентли принесла ей на тарелке живого скорпиона. Она использовала бы любой предлог, чтобы отвести взгляд от Гранта. Потому что она ни разу не встречала человека, который бы с таким унынием рассказывал о том, чем занимается в жизни.

Он не помнил, что больше всего любил в детстве. Странно. Каждый помнит свои детские увлечения. Клара обожала выпечку. Хэнк в данный момент увлечен астрономией. Brent мечтал стать астронавтом. Но у Гранта Данбартона в детстве никаких пристрастий не было.

Опять же, если семья, вроде Данбартонов, владеет бизнесом уже несколько поколений, Гранту было предначертано судьбой вести семейные дела. Однако Brent не работал в «Данбартон индастриз», потому что был бродягой по натуре. Скорее всего, Грант возложил на себя обязанности генерального директора компании по собственному желанию. Даже если кажется, будто работа не приносит ему радости.

Клара не могла не думать, какая судьба ждет Хэнка. Он такой же Данбартон, как Грант и Франческа. Значит, он имеет полное право на наследие семьи и семейный бизнес. Но Клара ни за что не согласится перевезти сына из Джорджии в Нью-Йорк.

Она всеми силами старалась оградить Хэнка от мира богачей, который считала иллюзорным. Больше всего она хотела, чтобы ее сын жил реальной жизнью и получал вознаграждение за трудолюбие и дисциплинированность. Пусть он иногда страдает или испытывает душевную боль, но это единственный способ понять, что такое спокойствие и радость. Не познав горя, невозможно стать счастливым.

Возможно, проблема Гранта в том, что он все получил от рождения. Клара тайком взглянула на него. Он ковырял вилкой салат, выглядя довольно мрачным. Вероятно, имея все, что только мог пожелать, Грант не сумел определиться, чего в самом деле хочет от жизни. Правда, жизнь не слишком его баловала. Он потерял отца, будучи еще ребенком, а менее года назад лишился брата-близнеца.

Клара приказала себе перестать анализировать характер Гранта. Ее не касается, почему Грант Данбартон несчастлив или чем-то недоволен. Она напомнила себе, уже в который раз, что они скоро расстанутся и будут встречаться в будущем лишь время от времени.

И все же она продолжала беспокоиться за Гранта.

Глава 4

«Остерегайтесь богатой и знаменитой женщины с платиновой банковской картой». Именно эта мысль кружилась в голове Клары в конце третьего дня пребывания в Нью-Йорке, пока она наблюдала, как стремительно Франческа Данбартон расставалась с деньгами.

Лежа рядом со спящим Хэнком в бывшей комнате Брента, Клара изо всех сил старалась не клевать носом. Она, Хэнк и Франческа побывали во всех дорогих магазинах детских игрушек, а также парках развлечений. В конце концов, Хэнк устал и уснул в такси по дороге домой. Он не проснулся ни когда они поднялись на лифте на верхний этаж, ни когда Клара уложила его на кровать, ни когда Франческа поцеловала его в щеку, ни когда швейцар принес в комнату кучу пакетов с покупками.

Глядя на сына, Клара услышала, как позвонили во входную дверь. Через некоторое время в дверях комнаты появился Грант. Он был в безупречно отглаженном темном костюме, галстуке и рубашке. На Кларе была более непринужденная одежда: оливковые брюки карго и бежевый свитер.

Увидев ее, Грант поднял руку в знак приветствия и уже собирался что-то сказать, когда увидел, что Хэнк крепко спит. Клара подняла палец, прося Гранта подождать секундочку, потом осторожно встала с кровати и тихо вышла в коридор.

– Вам не следовало вставать, – тихо сказал он вместо приветствия.

– Все в порядке, – ответила она. – Мне нужно было встать, иначе бы я уснула.

– Поспите. Ужин подадут через несколько часов.

Она покачала головой:

– Если я посплю сейчас, то ночью не сомкну глаз. Я мучилась от бессонницы, когда была маленькой.

Потому что, подрастая, Клара жила в одной комнате с другими детьми, которых плохо знала. У каждого из них были свои привычки. Она оказывалась жертвой кражи, хулиганства и соперничества, как и многие дети, отчего ей приходилось жить в постоянном напряжении и ждать очередного подвоха. Все это провоцировало ее бессонницу. Конечно, сейчас жизнь Клары намного спокойнее, но от давних привычек трудно избавиться.

Стояла напряженная тишина – Клара и Грант рассматривали друг друга. Ей было очень трудно отвести взгляд от Гранта, который являлся зеркальным отображением Брента. Но Грант иначе одевался и коротко стриг волосы, тронутые сединой.

– До ужина несколько часов? – Она улыбнулась, желая его подразнить. – Вы раньше обычного вернулись домой с работы.

Грант остался бесстрастным.

– Да. Вы правы, – деловито ответил он. – Но я могу работать из дома. И я подумал, что, может быть, вы и Хэнк... Я решил, что вы оба...

Так или иначе, она догадалась, что он хотел закончить фразу словами: «...будете нуждаться во мне».

Клара не знала, что сказать дальше, потому что буквально утонула в его бездонных голубых глазах. Хотя у Гранта и Брента были одинаковые глаза, взгляд Гранта был совсем иным. Он казался решительнее и внимательнее. Ей никогда не казалось, будто Брент смотрит в ее душу, хотя они оба были близки несколько недель. Однако рядом с Грантом, которого она узнала совсем недавно, она чувствовала, будто он видит ее насквозь.

Клара хмыкнула, изо всех сил стараясь что-нибудь сказать, чтобы избавиться от странных ощущений. Но единственное, что пришло на ум, это мысль о том, какие у Гранта красивые глаза и как сильно они отличаются от глаз Брента. Однако в этом она не могла признаться Гранту.

К счастью, он отвел от нее взгляд и посмотрел на Хэнка, а потом произнес:

– Похоже, моя мама сегодня здорово потратилась.

Клара повернулась и проследила за его взглядом. Грант оглядел кучу пакетов с покупками.

– Она столько всего купила для Хэнка, – сказала Клара и снова посмотрела на Гранта. – Ей не следовало этого делать. Я имею в виду, Хэнк ей чрезвычайно благодарен. И я тоже, но... – Она с грустью вздохнула. – Я не знаю, как мы повезем все это домой.

– Оставьте большую часть вещей здесь, – произнес Грант. – Хэнк возьмет домой любимые игрушки, а с остальными будет играть, приезжая сюда. – Он улыбнулся. – Вероятно, мама покупала игрушки именно с таким расчетом.

Клара тоже об этом думала. Хотя она пыталась оправдать чрезмерные траты Франчески тем, что бабушка Хэнка просто старается наверстать упущенное время, она не могла не думать, что подарки – своеобразная приманка для мальчика, который будет упрашивать мать как можно скорее вернуться в Нью-Йорк. И теперь Грант подтвердил ее подозрения.

Хэнк пошевелился, что-то пробормотал во сне и перевернулся на другой бок. Клара закрыла дверь, чтобы его не разбудить.

– Мы можем поговорить в моей комнате, – сказал Грант.

Клара искала предлог, чтобы не ходить в комнату Гранта, но ничего не сумела придумать. Потом она задалась вопросом, зачем ищет предлог. Ведь в его приглашении не было ничего предосудительного. Клара решила, что слишком устала, чтобы следовать за Грантом, и чересчур утомилась, чтобы найти причину не следовать за ним.

Если бывшая спальня Брента оформлена в ярко-синем цвете, то комната Гранта – в кофейных тонах. Шторы в комнате Брента были разрисованы причудливыми лунами и звездами, а в комнате Гранта мерцали десятками коричневых оттенков. Мебель в комнате Гранта была из прочного красного дерева. В помещении имелись самые необходимые для мужчины предметы: будильник, настольные лампы, тарелки для мелочи и ключей.

Единственным ярким пятном был огромный аквариум напротив кровати, населенный рыбами всех цветов и размеров.

Клара сразу подошла к аквариуму. Живя у моря, она никогда не видела так много рыбок одновременно. Ее пленила их яркая окраска и динамичное движение. Она смутно заметила, что Грант вошел в комнату за ней следом, бросил портфель на кровать и подошел к деревянному шкафу, где начал развязывать галстук и расстегивать рубашку.

Хотя его движения были отнюдь не провокационными, по телу Клара пробежал жаркий трепет. Грант непринужденно снял пиджак, а потом расстегнул пуговицы на манжетах и закатал рукава до середины предплечья, обнажая мускулистые руки. Клара покраснела, подумав о том, как, наверное, будет приятно оказаться в его объятиях.

– ...и красноголовая цихлазома.

Клара так погрузилась в размышления, что ей потребовалась минута, чтобы понять – с ней разговаривает Грант, а не Брент. По-видимому, он какое-то время о чем-то ей рассказывал.

Она молчаливо уставилась на него, надеясь, что он ни о чем не догадается по выражению ее лица. Но когда их взгляды, наконец, встретились, улыбка сошла с лица Гранта. Он округлил глаза, и Клара поняла, что он догадался, о чем она думает, наблюдая за тем, как он раздевается.

Быстро отвернувшись от Гранта, она уставилась на аквариум и спросила:

– Что это за рыбки? – В попытке выглядеть увлеченной маленькими рыбками она даже наклонилась почти вплотную к аквариумному стеклу.

Клара слишком поздно осознала, что задала идиотский вопрос. Оба сейчас думали совсем не о рыбках, а о сексе. Кроме того, Грант подошел к ней ближе, чтобы понять, о каких рыбках она спрашивает. Он двигался медленно и неуверенно, будто приближался к барракуде, что было недалеко от истины. В данный момент Клара чувствовала себя хищницей.

Она приказала себе дышать полной грудью и успокоиться.

Однако сделать это оказалось нелегко. Грант подошел к ней почти вплотную сзади. Если бы он захотел, то прямо сейчас расстегнул бы брюки и овладел Кларой.

Если бы он только этого захотел.

И Клара не стала бы его останавливать, потому что изнемогала от желания.

Но тут Грант шагнул влево и наклонился ближе к аквариуму, чтобы посмотреть на рыбок вместе с ней.

– Я как раз говорил вам, как называются рыбки, – сказал Грант. Клара поняла, что он изо всех сил старается казаться сдержанным. – Та, что была перед вами минуту назад, – продолжал он, – называется красноглазая цихлазома. А это цихлида Техаса. – Он указал на пятнистую рыбку. – На самом деле все рыбки в этом аквариуме относятся к семейству цихлид, но их более тысячи видов. Здесь собраны мои самые любимые. – Он показал на пеструю, фиолетово-синезеленую рыбку, которая стремительно проплыла мимо них. – Это Джек Демпси.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.